

Павел Палажченко

Умер Дмитрий Ефимович Фурман – уникальный человек и ученый.

Умер Дмитрий Ефимович Фурман – уникальный человек и ученый.

Последние недели и особенно последние дни его жизни были мучительными – «болезнь Лу Герига» (боковой амиотрофический склероз) неизлечима и к своим жертвам беспощадна. С момента постановки диагноза живут два-три года. Дима – жил. Как сказала Пилар Бонет, корреспондент El País, знавшая Диму много лет, он не боролся со смертью (потому что она все равно придет), а продолжал жить. Продолжал работать, читал, думал, писал статьи и книги. Как ему это удавалось – непостижимо. Я был у него накануне, он лежал совершенно беспомощно, задыхался, но память, мысль – все работало. Мне казалось, что, может быть, ему предстоит еще несколько недель жизни и физических страданий. Умер он легко, заснув.

Вклад Фурмана в науку огромен, и я не знаю, будет ли он полностью оценен. Знаток и ценитель его работ Борис Львин сделал в Интернете [специальную страницу](#) со ссылками на большинство его научных работ. Зайдите – если будет время, останетесь там «насовсем». Все его исследования основаны на переработке и осмыслении гигантского материала, первичных источников из самых разных эпох и стран. Из этого осмысления возникали концепции, открытия, но он не подгонял под них факты, а шел дальше, сопоставлял сюжеты и события, выявлял «исторические алгоритмы».

Главным его достижением было раскрытие механизмов влияния культурных и религиозных «кодов» на ход исторических событий. Мировые религии были для него живыми – и там, где они еще бурлят и претендуют на подчинение себе общества, и там, где они уже прошли адаптацию к современности и секуляризации и постепенно превращаются в культурную традицию. Методология проникновения под «поверхностный слой» текущих событий используется им и в работах последних десятилетий, посвященных событиям в бывших советских республиках. Объем переработанной при этом периодики, в том числе на местных языках (украинский, молдавский, азербайджанский) не поддается измерению. Вообще он читал, кажется, на пятнадцати языках и по сравнению с ним многие лингвисты (я в том числе) «ленивы и нелюбопытны».

Как публицист он стоял особняком, не принадлежал к группировкам и часто критиковал близких ему по демократическим убеждениям людей. А их действительно есть в чем упрекнуть – все они в той или иной мере способствовали становлению в России после 1991 года режима «безальтернативной власти», многие потом жалели, да только спохватились поздно. Стоял он не только особняком, но и, я уверен, выше – но при этом никакого высокомерия ни в его поведении, ни в его статьях не было. И каждая из них, особенно в последние годы, становилась событием. Его публицистика последних двух десятилетий собрана в две книги – «Наши десять лет» (вышла в 2000 году) и «Публицистика “нулевых”», которая выйдет через несколько недель и будет представлена на московской книжной ярмарке в сентябре. Я написал предисловие, которое Дима, слава богу, успел прочитать и одобрить. Сейчас я перечитываю верстку этой книги – все точно и ничуть не устарело.

О человеческих его качествах сейчас много пишут, например, в Интернете Юрий Самодуров, Борис Вишневский, Николай Троицкий. Такое сочетание ума, достоинства, понимания людей и терпимости к их грехам и изъяснам, абсолютной неподдельности встречается редко – по-моему, вообще не встречается. Как-то я услышал, что «он никакой не Фурман». Действительно, отец его был русский, но даже в годы «борьбы с сионизмом» Дима не стал менять фамилию и отчество, потому что был многим обязан отчиму, который его в трудные годы вырастил. Оставил все как есть, но впоследствии никогда не афишировал этого факта, не хвастался какой-то особой бескомпромиссностью.

26 июля мы будем прощаться с Дмитрием Фурманом.

П. Палажченко